

A close-up portrait of a man in a Soviet naval officer's uniform. He is wearing a dark cap with a prominent gold anchor emblem and a red star with a hammer and sickle. He is holding binoculars to his eyes, and the lenses show a reflection of a large ship, likely an icebreaker, on a body of water. The background is dark and out of focus.

ОЛЬГА ГРЕЙГЪ

ОПЕРАЦИЯ
«АНТАРКТИДА»

БИТВА ЗА ЮЖНЫЙ
ПОЛЮС

Ольга Ивановна Грейгъ

Операция «Антарктида».

Битва за Южный полюс

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6372988

Операция «Антарктида». Битва за Южный полюс / Грейгъ О.:

Книжный мир; Москва; 2018

ISBN 978-5-6040154-7-6

Аннотация

Ольга Грейгъ – известный современный российский писатель, автор нескольких бестселлеров, посвященных советским спецслужбам. Родилась на Урале, жила в Белоруссии. Окончила университет, филолог. Член Союза писателей Белоруссии, член Союза писателей России. Имеет членский билет Союза писателей СССР. Книги издавались в Белоруссии и в московских издательствах.

В одной из своих самых известных книг Ольга Грейгъ рассказывает о борьбе советской разведки со спецслужбами западных стран за контроль над шестым континентом – Антарктидой. Читатель узнает многое из того, что сильные мира сего не предназначали для слуха простых людей. После прочтения этой книги тайное, прежде скрытое во глубине партийных и государственных архивов, станет, наконец, явным.

Организация научного исследования шестого континента всегда шла рука об руку с устройством военных баз и постройкой настоящих городов в толще антарктического льда. Более того, Антарктида стала местом встречи человечества с внеземным разумом, но информация об этом была тут же засекречена. И только теперь, спустя много десятилетий, читатель может узнать правду о тех событиях – благодаря собранным автором крупным истинам.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	34
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ольга Грейгъ Операция «Антарктида», или Битва за Южный полюс

Глава 1

Любая крупная авантюра должна иметь тайну. Но тайну очевидную, громкую, скандальную. Для этого и существуют средства массовой информации, сосредоточенные в руках главных мировых авантюристов. Вброшенная в СМИ со слов «одного высокопоставленного чиновника, пожелавшего остаться инкогнито», или как очередной *экссклюзив* открытая всему миру тайна легко затмевает скрытую ото всех авантюру. О, как мельчает фигура Шекспира на фоне первополосных материалов, нарекающих кого героем, кого злодеем, кого пророком наступающих бедствий; как растворяется до микрофигуры сей драматург за спиной Невидимого, Неизвестного Мастера небывалых постановок, влияющих на судьбы всего человечества, а то даже и Галактики (!)... Да, прав был сказавший, что в печатной краске поселился дьявол.

Не об этом ли рассуждал, сидя в скверике на Ластовой площади города Севастополя, капитан 1-го ранга Иван Михайлович Румянцов? Несколько месяцев назад он вернулся из очередной командировки, с очередного задания, где чуть было не погиб от рук вьетконговцев. После изощренных пыток его обессиленное и окровавленное тело бросили в Меконг, на съедение крокодилам. Но он выжил. Он вышел на связь и его самолетом доставили домой. Длительное лечение, двухмесячная реабилитация в сочинской санатории, и еще две недели отпуска в любимом городе, бывшем по тем временам «закрытым». Его пребывание в Севастополе заканчивается, пора возвращаться в Москву, он – в мыслях оттягивая возвращение, – знает, что оно неизбежно, и потому пришел попрощаться с кораблями, стоявшими на рейде Севастопольской бухты, некогда открытой талантливым русским моряком вице-адмиралом Клокачевым и носившей тогда красивое название Ахтиарская...

В бухте сновали пассажирские катера на Северную и в Инкерман, командирские катера «стрижи» и баркасы с офицерами и матросами. И тогда он подумал невозможное: что если б он получил назначение на флот, то вот так бы и служил на одном из этих кораблей. Но он, начавший учебу в военно-морском училище, закончил ее, будучи чужой волей забран в Военно-дипломатическую академию, а затем стал служить в аппарате ЦК у всесильного, всемогущего Арсения Алексеевича Архимандритова. Прозываемого за глаза

тишайшими, трепещущими голосами Папа Сеня, а еще – *Папа Сатана*.

Один из «стрижей» направился мимо Госпитальной стенки в сторону Угольной и, не доходя, остановился у причала Корабельной стороны. С белоснежного красавца прытко выскочили несколько молодых офицеров. Румянцов проводил их взглядом, подавляя бессознательное чувство зависти. Словно влитой в серебристо-стальное пространство воды притягивал взоры, вызывая восхищение «Комсомолец Украины»; уникальный корабль 61-го проекта, получивший название *поющий фрегат* из-за издаваемого при движении звука. Полюбовавшись архитектурными очертаниями больших противолодочных кораблей и эсминцев, стоявших на рейде крейсеров «Адмирал Ушаков», «Дзержинский», флагманом флота крейсером «Михаил Кутузов» и крейсером «Слава», каперанг Румянцов вдохнул полной грудью свежий морской воздух, собираясь уходить. Он знал о каждом из этих кораблей, об их истории, пожалуй, много больше, чем служившие на них моряки. Потому что он, волей судеб причастный ко многим тайнам, познавал, впитывая сокрытое, *скрываемое ото всех*, как губка впитывает воду...

Выйдя из троллейбуса у Приморского бульвара, Иван Румянцов направился по проспекту Нахимова, как вдруг понял, как кто-то, желая его остановить, бросился навстречу с криком: «Иван, подожди!». Тот, к кому адресовалось обращение, не оглянулся, а, продолжая идти, мгновенно высчи-

тывал, где он слышал этот голос. Интуитивно почувствовав, что позвавший уже нагоняет и протягивает руку, чтобы прикоснуться, Иван сделал движение в сторону, тут же развернувшись.

— А, Арнольд Николаевич, здравствуйте, сто лет мы не виделись с вами.

— А ты, наверное, в отпуске? — не переводя дух, спросил догнавший.

— Ну, в общем-то, да. Только вот отпуск подошел к концу. Известный в московских кругах критик, как он представлялся, «критик областных театров» Арнольд Николаевич Карно слыл любителем летнего отдыха у крымских берегов. Чаще всего он приезжал на юг в составе киноэкспедиций, куда собирались люди, причастные к кино или театру. Арнольд Николаевич ничего конкретного в поездках не делал. Его роль обычно сводилась к обольщению местных красавиц, страдающих по кинозвездам советского кино. А еще авторитет седовласого, чуть курчавого, с коровьими глазами и обаятельной широкой улыбкой критика держался на его обещаниях некоторым второстепенным сотрудникам экспедиции помощи, либо в расширении жилплощади в Москве, либо приобретении авто или дачи. В подобных разговорах он намекал на связи, показывал пальцем в неопределенную пустоту, как бы давая понять, что уровень его связей значителен.

Сейчас, идя со стороны местного театра, он, увидев

проходящего морского офицера, резко бросился вдогонку. Встреча могла быть как случайной, так и спланированной, — о чем знал капитан 1-го ранга Румянцов, а потому практически никогда не расслаблялся.

— А как поживает наш знакомый? — почти запанибратски, с театральным пафосом, спросил Карно. Уже самым этим глупейшим вопросом и наигранной наивностью он пытался показать свою причастность к великим деятелям, а именно, к одному великому деятелю — к Арсению Алексеевичу Архимандритову.

— Ну, об этом, Арнольд, вы спросите общего знакомого. Если встретитесь с ним.

— О да, когда-то он со мной встречался, как сейчас с тобой. Я даже сказал бы... чаще.

В его словах звучало явное хвастовство. Хотя бы потому, что Иван Михайлович знал из архивных данных о степени сотрудничества Арнольда Карно с ведомством секретаря ЦК Архимандритова и его вкладе в советский Агитпроп. Впрочем, хвастовство служителя, еще по молодости прочно ухватившегося за прозрачную накидку Мельпомены, мало действовало на нервы каперанга. Разница в возрасте и пережитые Арнольдом Николаевичем годы войны обязывали Ивана уважительно относиться к нему. Карно, как считали многие в его окружении, нигде не работал, а жил на широкую ногу; даже распускали злые слухи, что надо бы Арнольда, «этого бездельника» посадить в тюрьму за тунеядство. Но Румян-

цов знал твердо, — Карно нельзя отнести к категории жуликов и прохвостов, и он заслуженно получает свою пенсию. Хорошую пенсию, в соответствии с вкладом и пользой, которую он принес стране, сотрудничая с ведомством Архимандритава. Но о его заслугах мог знать лишь очень узкий круг людей, которые... не вращались в среде обитания Арнольда Карно.

Сославшись на придуманное свидание, Румянцов избежал от сопровождавшего его критика, а через сутки выехал в Москву.

Он даже не мог предположить, что вскоре они встретятся вновь. Это потом — спустя годы — он, уже сам искушенный во всех тонкостях и нюансах своей работы, будет знать, что все, даже самые обыденные встречи осуществляются преднамеренно, если объект чьего-то интереса — *он сам*.

Румянцов вернулся в гостиницу, когда настала ночь и город укрыла, словно вылитая из небесной чернильницы, тьма. Он постоял у окна, не включая свет, наблюдая, как мерцают россыпи крупных звезд.

В ночь перед отъездом из отпуска ему приснился сон. Ему снились две немолодые красивые женщины, которые жестами, исполненными артистизма, схватив его за руки и ноги, стали тянуть, разрывая на части. И когда на месте разрыва (ему даже чудилось, как трещит, словно разрываемый целлофан, его тело) возникла острая боль, он закричал... и проснулся. В место предполагаемого разрыва вре-

зался острый изогнутый крюк сетки кровати, на которой он спал. Спал поперек кровати, извернувшись в тревожном сне. Чертыхнувшись от подобной нелепости, Румянцов подошел к окну. Уже начинался ранний летний рассвет, он вдруг с неожиданной тоскливостью подумал, как ему не хочется возвращаться в Москву. Но долг офицера обязал его на новые подвиги...

Глава 2

В 197... году после недавно состоявшегося Пленума ЦК партии в Кремле прошло закрытое заседание очень узкого круга членов Политбюро и Секретариата ЦК. Свое мнение по имеющимся вопросам уже почти все высказали, когда выступил Андрей Игнатьевич Ютваков, отметивший, что недавняя Антарктическая экспедиция обнаружила уникальное явление в районе моря Росса. По словам одного из сотрудников органов безопасности, подтвержденных другими участниками операции, которые были внедрены в состав советской антарктической экспедиции и доставлены к станции «Мирный» на дизель-электроходе «Обь», в одной из расселин скал было замечено выделение газовых составов. Да не просто лишь бы чего, а выделений, характерных только для испарений над большим городом.

Посему выходило, что в недрах Антарктиды имеются жилые массивы и крупные производства.

Об этом старший оперативной группы доложил руководителю специальных исследований аппарата госбезопасности. Там, конечно же, эту информацию засекретили, оставив возможность изучить рапорт секретарю ЦК Ютвакову, о чем он и доложил сейчас присутствующим товарищам. Завершая выступление, Андрей Игнатьевич подчеркнул, что для того, чтобы исключить какую-либо утечку, надо осуще-

ствить ряд дезинформационных мероприятий, «слив» некоторый отвлекающий «экслюзив» в прессу, на радио и телевидение.

Говоря это, товарищ Ютваков понимал, что затевается большая игра; потому как ситуацией не преминут воспользоваться и коллеги. Каждый наверняка попытается разыграть свою партию, подставляя другого. Безусловно, дезинформационную утечку сделают и из Генштаба. К примеру, тот же недавно назначенный военный министр Борис Макарович Бородин тоже, как член Политбюро ЦК партии, участник этого совещания, явно намерен предпринять попытку закрепиться на посту. И хотя ему вряд ли удастся поколебать позицию Ютвакова, но ведь он заинтересован в осуществлении ряда реорганизационных мероприятий не только в своем министерстве, но и в рабочем органе министерства, – в Генштабе. И тогда полетят со своих мест нужные, преданные люди. Да, в подобных играх куда как легче просчитывать *чужих среди своих*...

Но Ютваков, настороженно присматривающийся ко всем новичкам в их узком кругу избранных, может быть относительно спокоен. Он настолько искушен в политике, что бояться ему некого, разве что Арсения Алексеевича. Но того боятся все, хотя тщательно скрывают друг от друга. Папа Сатана старше самых старших здесь на пару лет, а это дает немалое преимущество – так им, пожилым и наивным, кажется...

Сразу же по завершении совещания секретарь ЦК Арсений Алексеевич Архимандритов вызвал к себе ведущего референта, капитана 1-го ранга Ивана Михайловича Румянцова.

Войдя к боссу и поприветствовав того четко, по-военному, Иван остановился невдалеке от массивного стола. Архимандритов, человек небольшого роста, в своих апартаментах, обставленных добротной мебелью из красного дерева с искусной резьбой, с картинами мировых мастеров кисти, кои мечтал бы иметь любой знаток живописи, среди изысканной, добротной роскоши времен Российской империи, никогда не выглядел не к месту, чужаком, шутком, коротышкой. О, нет, этот человек в супердорогом костюме, шитом в парижском ателье, обшивающем не более пяти-шести самых богатых людей планеты, в дорогих штучных туфлях, одним своим именем мог вызвать у человека, знавшего о нем, приступ страха.

Иван Михайлович Румянцов, попавший к нему на службу, еще до конца не понимая, какие шансы дает ему судьба и к каким темным силам его притягивает, скорее по наитию с первой секунды уяснил, что перед ним – Избранный... Между прочим, именно за это качество – прислушиваться к интуиции и действовать по наитию – его и ценил всесильный босс Арсений Алексеевич Архимандритов, главный режиссер в политическом театре Высшей Власти, секретарь ЦК партии. Арсений Алексеевич был членом Политбюро, где некоторые

умники прозвали его Папа Сеня, но чаще говорили: Сатана, – да и то, если шептали это зловещее имя, то постоянно оглядывались: авось появится, как *черт из табакерки*. А ведь мог, почище Мессинга работал. Что там Мессинг – дитя малое рядом с товарищем Архимандритовым, дела которого можно было явственно проследить на Антарктическом континенте под толстым слоем льда, в древней истории империи Хань, в самых высоких домах Нью-Йорка... А при возможности, дающей только немногим избранным, – даже увидеть *его самого* в разновеликих местах Планеты и ее Истории... Вот *что* предстояло осознать Румянцову, вот на *кого* доводилось работать.

Босс придвинул своему референту папку, сопроводив жест словами:

– Почитай на досуге, может, найдешь что интересное.

«На досуге» означало одно: прочти сейчас, возможно, вскоре получишь другие секретные архивные материалы. Обладал ли кто на Земле более ценными архивами, чем Арсений Алексеевич Архимандритов? С годами Румянцов понял: да, обладал... тот, кто заполучил секретные раритеты из ведомства Папы Сени.

Перейдя в соседний кабинет, Иван Михайлович приступил к чтению. Сведения, представленные в папке, относились ко времени открытия русскими мореплавателями шестого континента – *Антарктиды*. Как известно, Антарктида была открыта в январе 1820 года российской экспедици-

ей Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, которые прошли на двух судах, «Восток» и «Мирный», вдоль тихоокеанского побережья, открыв также острова Петра I, Шишкова, Мордвинова, Землю Александра I.

В документах говорилось, что путешествующий в начале XX века, в 1901–1904 гг. на судне «Дискавери» британец Роберт Ф. Скотт подошел к берегам континента, исследовал море и ледник Росса, открыл полуостров, по западному краю дошел до 82 градуса 17 минут южной широты, собрал обширный материал по геологии, флоре, фауне и полезным ископаемым.

Во время санного перехода в глубине материка, в 40–50 км от побережья, Скотт обнаружил глубокую скалу, на вершине которой оказался хорошо оборудованный лаз, тщательно замаскированный вырезанными толстыми пластинами льда. Пораженные увиденным, Скотт и его спутники сумели отодвинуть несколько плит, и их взорам предстала стальная лестница из труб, ведущая вниз. Изумление англичан увеличивалось с каждой минутой. Они долго не решались спуститься, но, наконец, рискнули.

На глубине более 40 метров они обнаружили помещения, в которых неизвестными была оборудована продуктовая база из мясных продуктов, а в специальных контейнерах лежала аккуратно сложенная утепленная одежда. Причем, таких фасонов и такого качества, которые ранее ни Скотт, ни его помощники не встречали, хотя сами обстоятельно гото-

вились к этой дальней и не безопасной экспедиции, в том числе и по части экипировки.

При доскональном осмотре на одной из курток была неожиданно обнаружена пришитая этикетка с записью «*Екатеринбургская пошивочная артель Елисея Матвеева*». Осмотрев всю одежду, Скотт понял, что все этикетки тщательно срезаны для сохранения инкогнито настоящих хозяев. Однако этикетку, оставленную в силу чьей-то халатности, а, главное, надпись с нее Скотт перенес в свои бумаги.

Конечно, в тот момент путешественники не поняли, что конкретно означает эта русская вязь, и что вообще делают русские на ледяном континенте, где воздух не прогревается выше нулевой отметки, где среднегодовая температура минус 50 градусов; и оттого, не скрывая своего удивления и оторопи, не рискнули идти дальше, а буквально ринулись обратно. Пройдя более 15 километров, то есть, половину пути до базового лагеря, кто-то из спутников спохватился, что надо было взять хоть что-то из продуктов, так как их запасы на исходе.

Другой тут же предложил вернуться, но Скотт посчитал это непорядочным, ведь кто-то заготавливал на себя, не рассчитывая, что запасами воспользуются незваные гости. Но, скорее всего, на его решение повлиял страх, граничащий с паникой.

Придя на Большую землю, путешественники долго не решались рассказать общественности о таинственном погребении,

или склепе, оборудованном русскими в ледяной пустыне; но в своем рапорте о работе экспедиции Скотт весьма подробно рассказал о находке. Вскоре материалы, поданные им в Британское географическое общество, *исчезли*. Более того, при настойчивых расспросах его осторожные спутники разводили руками, говоря, что все это не более чем выдумка, так, легенда для излишне любопытствующих...

Спустя несколько лет после этого английский исследователь Э. Шеклтон, возглавлявший в 1907–1909 гг. экспедицию на санях от судна к Южному полюсу, не обнаружил хранилища с продуктами и теплыми вещами. То ли не нашел точки по тем координатам, которые ему лично сообщил Р. Скотт, то ли хозяева склада сменили место хранилища. Шеклтон не дошел до полюса 178 км.

Во второй раз Роберт Ф. Скотт отправился на ледяной материк в 1911–1912 гг. покорять Южный полюс. Первым полюса тогда достиг норвежец, путешественник и исследователь Р. Амундсен, в январе 1911 он высадился на ледяной барьер Росса и 14 декабря того же года достиг конечной цели, открыв по пути горы Королевы Мод. Чуть позже, 18 января 1912 года Южного полюса достигла и группа, возглавляемая Р. Скоттом. Но на обратном пути в 18 километрах от базового лагеря путешественники погибли. Их тела, записи и дневники нашли спустя восемь месяцев. В палатке была сохранена и уникальная находка, – образец с отпечатками древнего ископаемого растения из рода *Glossopteris*, харак-

терного для флоры Гондваны. Что отчасти подтвердит гипотезу о существовании древнего обширного суперконтинента, в состав которого входила и Антарктида.

Но самое удивительное оказалось в другом. Пока шли поиски пропавших путешественников, в базовом лагере случайно (!) обнаружилась записка на английском языке, сообщавшая, что Скотт и его спутники сорвались с ледника, а их снаряжение, в котором были продукты, попало в глубокую расселину. И что полярники, если им в ближайшую неделю не окажут помощь, могут погибнуть. Непонятно, по какой причине никто не придавал значения записке. То ли посчитали неуместным розыгрышем, то ли провокацией товарища, у которого сдали нервы, а то и вовсе *от лукавого*.

А между тем, в записке точно указывалось, где находятся пострадавшие. Когда были найдены замерзшие тела Скотта и его спутников, в дневнике обнаружилась прелюбопытнейшая запись: «Мы остались без продуктов, чувствуем себя скверно, укрылись в созданной нами снежной пещере. Проснувшись, обнаружили у входа приличный запас мясных консервов, нож, сухари и, удивительное дело, в некоторых брикетах оказались замороженные абрикосы». Откуда бы это могло появиться, Скотт и его товарищи не знали. К сожалению, сухарей и абрикосов хватило ненадолго... Продукты закончились через несколько дней, ведь те, кто им желал помочь, полагали, что за оказавшимися в трудном положении придут соотечественники, стоит только прочесть запис-

ку. Но...

По возвращении домой члены этой полярной экспедиции, наслышанные, что погибший еще после первого своего путешествия на шестой континент подавал рапорт в Британское географическое общество о загадочной находке, стали настойчиво искать документ, и, конечно, безуспешно.

...Среди бумаг, имевшихся в папке, каперанг Румянцов обнаружил донесение руководителя Имперской разведки графа Александра Георгиевича Канкрина, докладывавшего Государю Императору Николаю II, *что русская экспедиция в составе трех кораблей достигла берегов шестого континента. Где обосновалась, построив два базовых лагеря. Также указывалось, что по пути движения к Южному полюсу заложили четыре склада продовольствия. После заполнения их всем необходимым началось изучение континента с целью дальнейшего освоения недр.* Внизу шла четкая подпись графа Канкрина. Каждый документ, носивший эту подпись, был для каперанга Ивана Румянцева особым; познавая дела и подвиги этого великого человека, имевшего немецкие корни, чистосердечно преданного идее Российской империи и ее императору, Иван Румянцов познавал предков, чьи гены временами смутянили, пробуждая его сознание, превращая его из *хомо советикус* в Человека...

Глава 3

В ближайший выходной Иван Михайлович Румянцов вышел из своего особняка в Березовом бору, желая прогуляться, а затем сесть в такси или метро и проехаться по городу. Его машина осталась в гараже. Иногда каперангу требовалась прогулка для сосредоточения мыслей; в мельтешении *простых советских граждан*, снующих то в поисках дефицита, то в поисках отдохновения от *мирного труда на пользу общества*, его посещали любопытные желания. То чудилось ему, как бы все могло быть, если б не было 1917 года, и какими достойными гражданами могли стать все эти снующие люди, не ведающие трагизма своего бытия, возвращенные на патриотизме псевдоценностей.

На подходе к метро перед глазами каперанга Румянцева вдруг возник Арнольд Николаевич, явно обрадовавшийся встрече. Он так быстро заговорил, буквально убалтывая собеседника, не давая тому ничего сказать, отговориться, сослаться на занятость, что Румянцов, сам того не ожидая, согласился провести ближайшую субботу в компании театрального критика. Седовласый болтун, дернув Ивана за рукав и напомнив о договоренности, распрощался и вихляющей походкой направился в подземный переход.

По истечении недели Арнольд Николаевич перезвонил референту Архимандритова, согласовав завтрашнюю встре-

чу у себя дома. Жил Арнольд почитай в центре столицы, на Дорогомиловской улице, рядом с Киевским вокзалом. Однако когда они встретились, Карно, загадочно сверкая глазами, предложил проехать в *одно очень интересенькое место*. Сев за руль «Волги» и подождав, пока каперанг устроится рядом, Карно рванул с места. Ничего в поведении критика не вызывало особого беспокойства, разве что излишняя беспечность и навязчивость, но таковым был стиль поведения старого ловеласа. Пока они ехали в Сивцев Вражек, он все болтал и жестикулировал, нередко оставляя руль, а, получив замечание, отреагировал по-своему, став еще более энергичным в жестах. Из всей трескотни Иван понял, что сейчас его познакомят с очень удивительной и прямо-таки замечательной женщиной, знаменитостью и красавицей.

Они поднялись в элитный московский дом, в квартирах и закоулках которого происходили столь невероятные истории, связанные с именами незаурядных людей, вершащих судьбы страны, что каждое имя, произнесенное вслух, было достойно своей уникальной книги.

Именно здесь, в солидной квартире площадью в 150 квадратных метров, некогда полученной ею от влиятельного деятеля партии при товарище Сталине и жила та самая удивительная женщина, с которой предстояло познакомиться Румянцову. Годы ее молодости и почитания остались давно позади, и теперь она жила в гордом одиночестве, общаясь с узким кругом людей. Но оттого знакомство с ней было еще бо-

лее желанным; ведь ее образ, ее голос, неповторимое очарование запечатлел нетленный пергамент Истории...

Когда они поднимались в лифте, Арнольд Николаевич предупредил:

– Имей в виду, она народная артистка.

Но не сказал, народная артистка РСФСР, или Советского Союза. В гостях у хозяйки дома уже были две пары неопределенного возраста. Сама она выглядела дамой не старше 40 лет. Так тщательно наложенный грим сокрыл ее возраст; правда, имелись и иные объяснения ее молодавости, о чем каперанг узнает много позже... открывая по долгу службы на Папу Сатану многие мистические тайны мироздания.

Вечер, долженствующий проходить умирительно и ладненько, казался Ивану утомительным. Арнольд Николаевич все время беседовал с хозяйкой, представленной Румянцову как Елена Васильевна Пешковская. Конечно же, он узнал ее по популярным советским кинофильмам, десятки раз просмотренным им в детстве. Присутствующие за столом парочки вообще не проявляли к молодому человеку, коим был Румянцов, никакого интереса... он отвечал тем же, и откровенно скучал, глядя на публику.

К трем часам ночи Иван почувствовал усталость, и, незаметно переместившись в самую дальнюю комнату, усевшись в кресло и погасив торшер, предпочел отдаться дремоте. Проснулся он от прикосновения Елены Васильевны, нарушившего его зыбкий сон. Женщина была в чудесном халате,

ее глаза сильно блеснули, неожиданно дивным певучим голосом, наклонившись, она пропела:

– Все ушли, а ты остался. Пойдем, я уложу тебя спать.

Иван нехотя поднялся с кресла и пошел вслед. Подойдя к кровати и отбросив атласное одеяло, она незаметно развязала тесьму пояса, поддерживающего на ней тонкого шелка расшитый халат, одновременно подчеркивая изящную талию. Вдруг халат упал, соскользнул с плеч, обнажая тело. Елена Васильевна, нисколько не смущаясь, соскользнула на простыни, и легла на спину, приподняв вверх правую ногу, как бы прикрывая тем самым интимное место.

– Ложись рядом, – вовсе не певуче, а твердо и безапелляционно заявила она, – я хочу любви и страсти с тобой.

Итак, это уже было интересно, потому как предполагало режиссуру и требовало ответный ход; впрочем, Иван к тому времени еще не отточил свой циничный кураж, воспитанный в нем и общением с боссом, и удивительной жизнью, проживаемой рядом с этим *Избранным*. Конечно, женщина была прекрасна. Ее матовая кожа казалась отполированной в приглушенном свете торшера. Нагая Даная, – показалось ему, – сейчас стыдливо протянет руки, и он, очарованный, но одновременно останавливаемый изяществом тела и яростно сдерживаемой похотью в сверкающих глазах, лишь опустил-ся на стоявшую подле кровати банкетку. Вместо какого-либо действия Румянцов стал внимательно рассматривать ее наготу, словно пытаясь прочесть и запомнить каждый изгиб,

каждую складку. Наверняка, в какой-то момент ей показалось, что он пытается увидеть, как ласкали ее руки знаменитых людей, как они держали ее, мяли, гладили; и это *считывание* должно было завести ее в замешательство. Сцена явно затянулась; прикрыв пушистые ресницы, Елена Васильевна терпеливо ждала. Но вместо желаемого она услышала:

– А вы уверены, что у меня с вами получится?

Дерзновенный юноша; но она стерпела и это. Конечно, он для нее – юноша, молодой самец с накачанными бицепсами, с упругим икрами ног; опытная, она чувствует силу, томящуюся у него в паху... Она чует даже запах, исходящий его могучим телом, разморенным коротким сном. Разве же он не для *этого* приведен сюда?

– Прикоснешься – получится.

В ее просьбе не было строптивости, она, властительница, лишь надеялась, что он согласится.

– Ну что же, – ответил Румянцов; о таких говорят в народе, что им *наглости не занимать*, – я настолько у вас устал, что, пожалуй, перейду-ка с банкетки на кресло, и если у меня возникнет страстное желание, то лягу к вам.

Она не ответила, лишь дрогнули плечи, но проследила взглядом, как он меняет дислокацию. Устроившись в широком удобном кресле, Иван вскоре почувствовал, как его мозг захлестнула сильная волна, прекрасно понимая, что за этим следует. Это включались скрытые резервы и ресурсы тренированного организма. Он закрывает глаза, он подчинится энер-

гии, поступающей извне, и, вступая с ней в контакт, словно отрешится от окружающего мира, его душа выйдет из тела, расположится выше, над ним, — справа или слева, и, словно сторожевой пес, будет наблюдать за засыпающим крепким сном физическим телом. На человека несведущего, незнающего эта энергия имеет ужасающее воздействие. Если бы кто-то попытался нарушить его покой, то душа, словно яркий *татъ*, вмиг взвилась, возвратилась в него и, наполнив все тело энергией, которую вобрала из космоса, из Вселенной, придала б ему, землянину, человеку, чудовищную силу... А чтобы тело спокойно почивало, душа Ивана израсходовала часть энергии, чтобы усыпить Елену Васильевну.

Да, многими уникальными приемами владел референт Папы Сени; многим премудростям научился, мог только силой своей энергетики поднять с места человека, мог растворяться в пространстве, подобно магу, гипнотизировать, прочитывать мысли. Но на все эти манипуляции требовались невероятные затраты энергии, и потому применять чудеса следовало в самых исключительных случаях. Но со временем даже эти таланты покажутся Ивану детской забавой...

Утром Иван открыл глаза и увидел, что Елена Васильевна лежит, как лежала, на спине, разве что правая нога ее была вытянута. Сморенная сном, она так и не укрылась. Иван встал с кресла, с хрустом размял суставы плеч и торса, подошел к кровати и осторожно укрыл актрису, натянув атласное одеяло. Но то ли она уже не спала, то ли ее разбудило

остывшее за ночь одеяло, но она тут же открыла глаза. Сладко потягиваясь и обнажая грудь, раскрепощаемая видением, Елена Васильевна томно произнесла:

– Такого мужчину, как ты, я давно не имела. Ты хоть знаешь, с кем провел ночь?

Судя по тому что она продолжала говорить, не глядя на присутствующего, ответ ей был не нужен. Иван и не перебивал, не переубеждал, только посматривал, щуря глаза и пряча в них улыбку.

– А сейчас я пойду в ванну...

Спектакль продолжился. Подняв руки к вискам, она сняла с себя парик, и на месте роскошных волос Иван Румянцов увидел... блестящий череп. Женщина явно пыталась его поразить, разозлить, и тем самым изничтожить...

Изящным движением актриса сняла наклеенные брови и ресницы, отклеила перламутровые ногти, и, не стыдась наготы, вернее, полной оголенности, выскользнула из-под одеяла.

– Моя уникальность в том, что я старше тебя лет на сорок! И, торжествующая, извилистым шагом, словно змея, она проследовала из спальни в ванную.

Румянцов подошел к ванной, приоткрыл дверь, и, заглушая струи воды, четко сказал:

– Мне надо быть на работе. Я уезжаю. До свидания. Закрыв за собой все двери, он уехал домой. Но ему вовсе не нужно было на работу; в этот наступивший воскресный день

он хотел лишь одного: отдохнуть. Через полтора часа, как и следовало ожидать, позвонил Арнольд Николаевич. Ему явно не терпелось узнать подробности; хотелось и посмеяться, и уколоть, и показать свою значимость в деле неприкрытого сводничества. Но за всем этим стояла какая-то иная цель, какая – предстояло обдумать.

Как всегда, не делая передышек и беря собеседника *нахрапом*, Арнольд Николаевич стал расписывать прелести талантливой Елены Васильевны. Он говорил так долго и нудно, что Иван опустил руку вместе с трубкой и ждал, когда прекратится говорильня. Услышав, как доносится глухое настойчивое «ало-ало», он приложил трубку ко рту и произнес:

– Не пора ли заканчивать?

– Да ты что, не понял, что я говорю? Ну, как она? Классная? Но не удивляйся ее возрасту. У меня с ней был роман еще в сорок втором году на войне, когда мы в составе концертных бригад ездили на передовую. Румянцов, зная военную эпопею Карно, не без ехидства среагировал:

– Очевидно, это самые главные ваши подвиги на войне, Арнольд Николаевич. Но я вас разочарую. Спустя 30 лет ваша пассия достойна только вас...

Карно мгновенно переспросил:

– А чем я плох?! Так мы встретимся?

У Румянцова была интересная особенность, – когда он не желал продолжать с кем-либо из окружения разговор, то, несмотря на время суток, говорил: «Спокойной ночи». На

сей раз Иван не отступил от правила. Оборвав болтовню пожеланием «спокойной ночи», он положил трубку.

За настойчивостью этого товарища явно скрывался не пустой интерес; интерес на грани провокации, – а это никак не входило в планы Румянцова.

Жаль, но день не удалось провести спокойно. Раздался звонок аппарата, конечно же, звонили по спецсвязи. Иван, досадуя и проклиная телефон, подумал: «Черт, неужели опять на службу, да еще в выходной?» Он поднял трубку, и ответил:

– Слушаю!

Звонившим оказался заместитель и начальник Центрального штаба секретаря ЦК Архимандритова генерал армии Гейер-Генерозов.

– Я внимательно вас слушаю, Исай Львович!

Гейер-Генерозов всегда был корректен с ведущим референтом Арсения Алексеевича. Правда, он никогда не обращался к нему ни по фамилии, ни по имени-отчеству, ни просто по имени, а только по званию.

– Капитан первого ранга, не обращайтесь внимания, что сегодня выходной. Вы же знаете, что для нас время отдыха относительно. За вами сейчас заедет автомобиль, вы знаете и водителя и машину. Вы проедете по известному вам адресу, заберете известную вам особу и доставите ее на объект «Интернационал».

Понятное дело, особа Румянцову была хорошо известна,

а объект, на который следовало ее привезти, был подмосковной виллой Архимандритова.

Референт вышел из своего особняка ровно через 15 минут и тут же увидел, как на площадке перед домом остановилась «Чайка» ГАЗ-13. Зная, что особа, за которой они заедут, будет находиться сзади в салоне, он сразу сел рядом с водителем. Тот знал, куда ехать, и автомобиль на огромной скорости направился по адресу.

Дверь Ивану Михайловичу открыла вышколенная домработница, чуть склонив голову и указав направление, она провела его в покои хозяйки. Эвелина Абрамовна Сарнавская была знаменитой актрисой, известной не только в советской стране, но и далеко за рубежом, – редкий случай для Страны Советов. Женщина изумительная, она унаследовала свою красоту от матери-украинки; иногда, глядя на нее (чаще, конечно же, в фильмах) Румянцов ясно представлял паненку, с любовью живописуемых гениальным Гоголем.

Эвелина Абрамовна, мило улыбаясь гостю, приподняла руку для приветственного поцелуя и красивым грудным голосом произнесла:

– Нюша проведет вас в комнаты, там вы встретите одну знакомую вам особу.

Румянцов в сопровождении домработницы Нюши направился по длинному коридору; у одной из дверей она остановилась. Иван отворил дверь и вошел в комнату.

Почти посередине уютно обставленного дорогой мебелью

пространства в мягком кресле сидела не менее известная, чем хозяйка квартиры, актриса. Он сразу узнал ее, хотя со времени их последней встречи прошли годы. Рогнеда Павловна Чаковская преподавала (помимо иных обязанностей) в Военно-дипломатической академии курс риторики и актерского мастерства. Уже после окончания академии, когда Румянцов работал под крышей торгпредства в порту Хайфон в Демократической Республике Вьетнам, он услышал от прибывшего туда инкогнито министра, в свое время лично знавшего товарища Сталина, что Рогнеда Павловна была одной из довоенных любовниц великого вождя. А еще, что она была родственницей какого-то близкого соратника Ленина.

Восседая на кресле в атласном китайском халате, как сказочная восточная фея, Рогнеда Павловна подождала пока Румянцов подойдет к ней, и изящно подала обе руки для поцелуя. Затем, прикасаясь длинным ногтем тонкого пальца к его щеке, она подставила лицо для поцелуя.

– Ванечка, если ты моряк, то прояви смелость, поцелуй великую актрису в губы.

Прихоть кокетки следовало исполнить так, чтобы не перейти грань, за которой начинаются неприличие и разочарование... Никакие *естественные прикосновения* здесь не проходили; женщины, с которыми Румянцов встречался за последние двое суток, – все, как одна, – были слишком выдающимися, слишком значимыми, даже по той причине, что вступали в связь с неординарными личностями, оставивши-

ми на их губах, их телах, в их женской матрице тел свои печати, свой генный след...

И шутка ли, он хотел получить поцелуй на грани риска, на грани фола, на грани жизни и смерти. Иван припал на левое колено и резким движением раскрыл блестящий халат, в следующее мгновение его пальцы раздвинули женские колени. Он рассчитывал увидеть обнаженное тело, но под халатом оказалось нижнее белье. И, чтобы не опозлать момент, он искренне, с вождением в голосе, произнес:

– А что, если я поцелую вас в *эти* губы?

Та, словно приводя в чувство и успокаивая шалуна, схватила руками его за голову и потянула к себе, приподнимая. Когда его лицо коснулось впадины между ее грудей, Рогнеда Павловна, обдавая его чистым дыханием, то ли наигранно, то ли искренне дрожа голосом, предложила:

– Давай условимся так: я отдамся тебе и не раз. Ты мне интересен, как молодой мужчина. Только бы я не хотела... я не хотела, чтобы моя старость... – она выговаривала последние слова так, словно у нее в горле были камешки, мешавшие ей произносить, – чтобы моя старость оттолкнула тебя.

Как дикая кошка она проскользнула мимо Ивана и оказалась в самом дальнем углу, – подальше от искушений.

– У меня к тебе просьба... Сейчас тебе надо быть в другом месте. А я тебя буду ждать. А теперь иди, а то хозяйка заждалась.

Когда Румянцов проходил по коридору, одна из дверей от-

крылась, оттуда вышла элегантно одетая, благоухающая Эвелина Абрамовна и впереди его направилась к автомобилю.

Спустя чуть менее часа сверкающая черная «Чайка» въехала на объект «Интернационал».

Глава 4

Объект «Интернационал» был когда-то помещицкой усадьбой, как и некоторые другие объекты, расположенные в подмосковном смешанном лесу. На закрытой обширной территории секретного микрогорода в самых живописных местах стояли «экспроприированные», что значит отобранные большевиками у хозяев трех-четырёхэтажные русские усадьбы. В этих цэковских учреждениях жировали советские руководители, *дети великого разбоя революции*.

Сюда, в некоторые из зданий, приезжали – на отдых и для получения инструкций, а то и резких нагоняев – секретари из братских республик, отягощенные услужливой свитой и своей значимостью почти неограниченной власти над *народами братских республик*. Сюда с теми же целями наезжали и секретари коммунистических и рабочих партий стран социалистического содружества и братских партий международного коммунистического и рабочего движения.

Вилла Архимандритова была, пожалуй, одной из самых таинственных, самых недоступных среди всех этих сверхсекретных объектов.

Оставив Эвелину Абрамовну в гостях у секретаря ЦК, ведущий референт Румянцов, следуя распоряжению Арсения Алексеевича, перешел в соседнее здание, где погрузился в работу. Он будет находиться здесь, пока адъютанты Архи-

мандритова не вызовут его к боссу. Впрочем, расслабляться не приходится. Прав был генерал армии Гейер-Генерозов, сказав, что все выходные для них – приятная условность, не более...

Здесь работы всегда непочатый край; только успевай читать донесения резидентов, поступающие со всего мира, только поспешай листать документацию, сопоставляй, анализируй, запрашивай архивные данные... сам мотайся по всему шарика, оборачивайся со скоростью пули, иначе пуля тебя догонит... а не пуля, так слово... И в этих мыслях, проskalьзывавших в сознании Румянцова, не было вымысла, – специалисты из подразделений Архимандритова умели *убивать словом*, знали особые изошренные технологии, воздействующие на тех, в кого введен специальный код на Слово. Сказал человеку некий пароль, а он сам, несчастный, взял да и застрелился, например. Или из окна выпал. Или еще черте как счета свел с жизнью.

Иван отмахнулся от назойливых мыслей, как от тонко зудящих у виска комаров.

Некогда ему раздумывать над судьбами отдельных личностей, некогда и о себе самом думать, – тут всегда на первом плане дело, а не самосохранение. У каперанга Румянцова, ведущего референта секретаря ЦК Архимандритова под началом целое подразделение, целые секретные объекты, возглавляемые генералами; на него работает более 1000 человек!

Да, не простой работник Румянцов, очень даже не простой...

Иван Михайлович спустился в бункер, где велась подготовка операций, проводимых его людьми в Африке, Чили, в Юго-Восточной Азии. Постоянный процесс, не прекращающийся ни на секунду; сотни инструкций и миллионы судебных...

Многое знал *непростой работник* Румянцов, со многими друзьями и соратниками Папы Сени знаком был, но еще слишком молод был, горяч, хоть и расчетлив, и сметлив. А, поди ж ты, о полной и беспредельной подлости человеческой природы еще предстояло ему узнать.

Ведь не зря же к нему был подослан товарищ кино— и театральный критик Карно, представивший его старой, только вот никак не дряхлеющей знаменитости Елене Васильевне Пешковской. Зачем было его провоцировать на связь с ней? Зачем ему подсовывали и старую знакомку, красавицу Рогнеду Павловну Чаковскую? Какую карту разыгрывает босс? Этот сеятель раздоров, любящий только кураж и богатую поживу?

Но нет, Румянцов не должен так думать, он предан, он на стороне босса, он честен с ним всегда. Иначе — смерть.

Но если он не будет так думать, просчитывая ходы Архимандритова, то смерть для него наступит еще раньше...

Жаль, но тогда он еще не знал, *кто* такие эти старые, опытные женщины, вырастившие легионы агентов, разведчиц, жриц любви, фанаток, искусных убийц. Сотни и тыся-

чи похотливых матрон, поспешающих столкнуть мир к обрыву разврата. Сотни и тысячи марионеток, лежащих в постель только с сильными мира сего. Мириады глаз, мириады ушей...

Румянцов тогда еще не знал, что они, эти примадонны советской сцены, – хорошие собеседницы, разбирались в тонкостях и нюансах Большой Политики, иначе бы Архимандритов их не держал. Их у него было не так уж много: избранных женщин, приближенных. Умные, сильные, красивые, каждая – с умом супердипломата и супераналитика, – эти женщины в свою пору становились создательницами машины разврата, но не тут, не в своей стране, а на другом континенте! Отправляясь на задания за границу, они блестяще выполняли задачи, оказывая влияние на действия и поступки мужчин, а в конечном итоге – влияя на политику других государств.

То, что Румянцов *не купился* на чары, это большой плюс. Молодого мужчину иногда очень просто завлечь громким именем, фееричностью личности, прикоснувшейся к Истории. Да кто он таков? – мальчишка, которому нет и 30, а их сжимал в объятиях и целовал сам Сталин! Дерзкий горец, символ чудовищной поры; он эпохален и вечен, как древние фараоны...

Конечно, Румянцов понимал, что его общение с дамами зафиксировано с десятков, а то и сотен ракурсов, – иначе в их ведомстве и быть не могло; здесь фиксировали все обо

всех сотруди́нках, всегда скрытно, в самых неожиданных местах... Его еще не раз станут провоцировать *на* имена и красоту, *на* возраст и положение, искушая вовлечься в приятную, роковую ошибку. Нет, конечно же, Румянцов не чуждался женщин, но всегда помнил главное: за связь с *не той женщиной* он поплатится жизнью...

В подсознании референт понимал, а со временем и узнал достоверно, что его босс – страшный собственник, и если бы кто-то покусился на его женщин, то и тот мужчина, и та женщина, посмеявшие изменить ему, были бы уничтожены; он, Арсений Алексеевич Архимандритов, никому ничего не прощал.

Однако, в последующем неоднократном общении Румянцова с женщинами, приближенными к гению Архимандритова, была своя тайна! Некоторые из них даже верили, что... спали с ним. Впрочем, после ночи, проведенной референтом у Елены Васильевны Пешковской, та искренне верила, что отдалась молодому мужчине с пылкой страстью 17-летней девушки. Подобное состояние будет внушено и Рогнеде Павловне Чаковской. Дамам казалось, что между ними и крепким горячим самцом существует идеальная тайна, снисходительно дозволенная самим Архимандритовым. И оттого в его присутствии они станут задорно задевать Румянцова, играя в слова и взгляды. Ничего странного в том, что Арсений Алексеевич позволил им подробное душевное состояние, не было. В этом состоянии женщины лучше работали, их старе-

ющие инстинкты подогревали, ускоряли мыслительные процессы. Что и требовалось Архимандритову. Уникальная аппаратура, запечатлевающая и проецирующая на экраны общение Румянцова с женщинами, свидетельствовала, – его референт играет, куражится, отдает часть своей энергетики, внушает, но никогда не переступает символическую черту.

Не раз еще будет так, когда в апартаментах босса соберутся милейшие Елена Васильевна и Рогнеда Павловна, и, поглядывая на красавца-референта, при первой ссылке Архимандритова, что его референт как раз и есть эксперт в той или иной области, станут вальяжно подшучивать:

– Вот вы утверждаете, что такой эксперт, как Румянцов, подтвердит ваши глубокие познания, к примеру, в области Военно-морского флота. А не кажется ли вам, дорогой Арсений Алексеевич, что он эксперт только по одной части: по части женщин? Это, между прочим, вам говорит женщина.

– Это не умаляет, а увеличивает достоинства моего офицера, – обычно добродушно парировал Арсений Алексеевич. И продолжал дискуссию, вернее, выступление.

Обычно, приглашая гостей, он начинал не столько разговор, сколько пламенный спич, из которого следовало, какой он всесильный, всезнающий, какой мощью обладает, и какие у него глубочайшие познания во всех сферах жизни. Несмотря на некий налет бравады, все это было сушей правдой. Архимандритов обладал уникальными знаниями и уникальными возможностями. И эти таланты были даны ему не Богом,

но дьяволом...

Обычно его аудитория должна была включать от двух до пяти человек, предпочитавших его слушать, более того – слышать. Ибо Арсений Алексеевич мог мгновенно снять информацию, что люди своим мышлением не участвуют в его повествовании, а озабочены своими мыслишками, и это могло стоить им жизни... Да, не умеющим его слушать это неумение, эта тупость обходились всего только в жизнь. А потому все слушали его признательно, с долей восхищения; часовые спокойные, размеренные речи свидетельствовали об удивительной, сверхчеловеческой работоспособности мозга этого землянина...

Он и подле себя не держал бесталанных; тут каждого можно было назвать гением, хоть бы и гением в воплощении замыслов босса. В структуре аппарата секретаря ЦК Архимандритова люди работали по 48 часов в сутки! Спрессованная время!

И потому, если случались теплые, почти задушевные встречи, их следовало ценить особо. Когда та же Рогнеда Павловна позволит себе игривое:

– Ах, Арсений Алексеевич, почему у вас такой удачливый офицер? Можно подумать, крокодилы его спасли от вьетконговцев... *Шерше ля фам*, говорю я вам, *шерше ля фам*...

И Арсений Алексеевич позволял себе хитро улыбнуться в крохотные аккуратные усики, пропуская женские реплики мимо ушей.

...Но в тот вечер, когда Иван Михайлович Румянцов привез к боссу Эвелину Абрамовну Сарнавскую, он был всецело поглощен раздумьями. Ничем особенным в последнюю неделю референт не был занят, шла обычная текучка и обработка поступающей информации. Правда, он помимо всего читал документы, связанные с антарктическими экспедициями и иными событиями, происходившими в Южном полушарии. Таково было распоряжение босса.

Но даже в этом ему виделось затишье; ведь он не мотался по свету, не рисковал жизнью, не добывал сверхсекретную информацию, не проводил рискованные операции... Но так нередко бывает во время затишья перед бурей; затянувшееся монотонное безделье перед назревающими большими мероприятиями. И они не заставили ждать...

Насладившись обществом прекрасной Эвелины, Архимандритов вызвал к себе Румянцова.

– Ну что, мой каперанг... – И это обращение свидетельствовало и о хорошем расположении духа, и даже, сказал бы Румянцов, об особом доверии босса к нему, – тебе придется поучаствовать в одной очень сложной экспедиции. Удивляться ничему не следует, даже тому, что эта экспедиция может закончиться для тебя трагически... Но работу надо выполнить основательно.

Архимандритов, сидевший напротив, обвел взглядом комнату, словно окинув пространство всего земного шара и сосредоточившись на определенной точке. Румянцов сгруп-

пировался, ловя каждый звук и каждый шорох.

– Много лет назад мы заинтересовались этим участком на Земле... И на этих словах каперанг ясно представил не виденный им своими глазами южный континент, антарктический холод, отдающие ледяной синевой просторы, редких животных, стаи пингвинов, косяки рыб и фонтаны заплывающих сюда китов...

– Тогда сложилась обстановка, когда мир и международная общественность были заняты войной. Но, как ты понимаешь, для кого-то война – это миллионы жертв, а для кого-то – миллиарды долларов. И даже когда боевые действия продолжились в северной Африке между генерал-фельдмаршалом Роммелем и генерал-фельдмаршалом Монтгомери, и даже когда в Тихом океане бушевали сражения на воде и в воздухе между американцами и японцами, – южнее экватора никаких боевых действий не было. Ибо, как говаривали французские монархи, война – это не самое важное, она может подождать, когда речь идет о любви. Но нас интересуют вовсе не любовные интриги. Хотя это правильно, что у монархов есть дела поважнее. Архимандритов незаметно нажал кнопку, расположенную в столешнице и тут же справа открылись дверцы бара, оттуда выехал поднос, на котором стояли прохладительные напитки. Он налил себе соку и предложил референту. Румянцов кивнул, взял запотевшую бутылку с минеральной водой и наполнил хрустальный стакан. Легкое шипение приятно услаждало слух. Оба выпили с насла-

ждением. После чего Архимандритов продолжил:

– Кое-что ты уже знаешь. Кое-какие бумаги для ознакомления получишь. Некоторые сведения я дам тебе сам. Готовься. И хотя освещение в кабинете оставалось ровным, референту почудилось, что свет потускнел, словно пространство медленно закрывала тяжело плывущая туча.

– В начале 1941 года из территориальных вод Советского Союза, с военно-морской базы вышли три мощные подлодки класса «Л» («класса «Ленинец»»), – машинально отметилось в сознании Румянцова). Планировалось, что выйдет четыре. Но во время испытаний одна подводная лодка таинственно исчезла в Мотовском заливе, на севере... История ее гибели так и осталась для командования флотом и для правительства тайной. Но не для Секретариата товарища Сталина. И мы-то с тобой хорошо знаем, что все тайное рано или поздно становится явным. Так вот, три лодки вышли в Атлантику и по пути следования на юг сделали несколько остановок с заходом в Гвинейский залив, затем резко взяли курс на запад и проследовали к одному из островов Карибского бассейна. После небольшого ремонта, отдыха экипажей и пополнения запасов три боевых подводных корабля взяли курс вдоль Южноамериканского континента, в сторону ревуших 70-х широт к проливу Дрейка. После длительного и непростого плавания лодки вновь зашли в одну из гаваней на побережье, где были встречены группой людей. Кто эти люди, ты узнаешь из бумаг. Все необходимые документы ты полу-

чишь. Архимандритов еще раз налил себе полный стакан сока; «Наверняка Эвелина замотала», – вскользь подумал Румянцов, прогоняя крамольную мысль, силой воли вытирая ее из сознания.

– Эти люди, встречающие наши подлодки, предложили морякам перед последним броском отдохнуть в великолепной гостинице в горах. Как ты понимаешь, отказа быть не могло. Об этой гостинице и в то время, и тем более после Второй мировой, почти никому ничего не было известно. Итак, моряки, оказавшиеся там, уже никогда не вернулись на свои корабли. Вместо них лодки заняли ранее прибывшие сюда высокопрофессионально подготовленные подводники из нашей страны. И это было правильным решением. Почему, – ты поймешь. Этот большой переход в южную часть латиноамериканского континента был сопряжен с огромными трудностями, и довольно негативно сказался на моряках. Я дам тебе конфиденциальные материалы по этой экспедиции, из которых ты многое поймешь, хотя в них изложено строго казенным языком рапортов.

Архимандритов усмехнулся и сам себя поправил:

– В твоем присутствии надо говорить рапортов, – как принято у морских волков. Тщательно изучив и проанализировав, ты должен наметить план действий. Их глаза встретились. Несмотря на то, что Арсений Алексеевич был росту небольшого, а его референт обладал крупным телосложением и был высоким, их глаза встретились на одном уровне. У

секретаря ЦК все было продумано и подогнано таким образом, чтобы никто не восседал, не чувствовал себя *выше*...

– Имей в виду, что все три наших экипажа проработали там до 1947 года. После войны американское командование военно-морских сил по согласованию с правительством осуществило две экспедиции в Антарктику. Вернее, три, но третья запланированная экспедиция американских ВМС там же исчезла. Тебе надо будет ознакомиться с материалами этой экспедиции и пройти тем же маршрутом в Антарктике. Наш проект будет называться «Снежный юг». Архимандритов сделал долгую паузу, словно считывая то, о чем думает его офицер.

– И еще. Тебя волнует, что произошло с тремя советскими экипажами. Если я скажу, *что* произошло, это не будет полным ответом на все вопросы. Тут важно, чтобы ты ответил себе сам. Тебе придется остановиться в той самой гостинице в горах; это одна из наших секретных баз с того времени. И не удивляйся, если... если где-то там встретишь совсем, казалось бы, непричастных к твоим делам людей. Возможно, даже тех, с кем ты виделся недавно. А теперь иди. У меня много более важных дел, чем те, о которых мы с тобой говорим.

Да уж; каперанг Румянцов понимал: то, что для него становится настоящим открытием, для его босса – давно познанное и пройденное. А тем более те давние операции, где использовалась не только разведка Архимандритова, но и

его подводный флот, не имеющий никакого отношения к каким бы то ни было военным ведомствам. Потому что более сильного и более закрытого ведомства, чем аппарат секретаря ЦК Арсения Алексеевича Архимандритова, в советской стране не было!

Иван Михайлович поднялся и негромко, чтобы не раздражать босса, произнес *королевскую* фразу:

– Есть дела поважнее, чем война...

До его затылка и ушей донеслось едва слышимое, шипящее:

– Вот-с, вот-с-с...

Глава 5

Румянцов, напряженно изучая зарубежные источники об Антарктиде и секретную информацию из архивов аппарата Архимандритова, да и получая сведения при личных разговорах с боссом, особо отметил, что некоторые страны начали делить между собой Антарктиду еще задолго до начала Второй мировой войны.

Настолько рьяно, словно пытаюсь вырвать из чьих-то рук ценный приз, врученный давним отважным открывателям шестого континента самими богами...

Советское правительство, озабоченное действиями ведущих государств Запада в изучении южных приполярных широт, в январе 1939 года заявило официальный протест правительствам этих стран (*о Германии речь в заявлении не шла*), что их антарктические экспедиции занимаются необоснованным разделом на секторы земель, некогда открытых русскими мореплавателями и исследователями Беллинсгаузенем, Лазаревым, Лисянским, Крузенштерном и другими.

Война, охватившая полмира, на время прекратила споры. Когда Великобритания и Норвегия оказались втянутым во Вторую мировую войну, и им стало не до Антарктиды, – особый, настойчивый интерес к южному континенту проявили до поры времени нейтральные, но агрессивные Америка и

Япония.

Через полтора года после окончания боевых действий на Тихом океане в руках у советского командования оказались качественно сделанные аэрофотосъемки всего побережья Земли Королевы Мод, начиная от мыса Тюленьего и заканчивая заливом Лютцф-Хольм в 3500 км только по прямой. По мнению американцев, русские после войны просто отняли у *поверженного врага* все эти данные по аэрофотосъемкам, осуществленные немцами еще в 1938 году.

Как понял из представленных ему бумаг Румянцов, для съемок использовались самые уникальные самолеты Советского Союза, построенные в канун войны, – Петляков8, способные совершать дальние перелеты без дозаправки в воздухе (как таковая, дозаправка в воздухе тогда еще не существовала, но испытания в СССР уже проводились). Благодаря встроенному за кабиной летчиков пятому двигателю АМ-35, служившему в качестве воздушного компрессора, нагнетающего воздушную подушку перед четырьмя двигателями на плоскостях, самолет Пе-8 мог забираться далеко за 10-километровую высоту, то есть, почти в стратосферу.

Из этого выходило, что съемки либо принадлежали русским, либо проходили в рамках совместного проекта между Советским Союзом и фашистской Германией.

Новая тема все больше увлекала каперанга. Перспектива оказаться в самых южных широтах, и даже не как участник научной экспедиции, а как свидетель Истории, которому

дозволят заглянуть за кулисы, в *тайнство тайное* ее охраняемых закоулков, — действительно впечатляло. Но, — понимал Румянцов, — за всем этим стоит что-то еще, что-то очень важное для его босса. Ведь, даже познавая, ему придется принять участие в какой-то опасной игре, могущей закончиться его физической гибелью. Разве Архимандритов не сказал о том же? Сказал. Только вот смысл предстоящей операции был пока не понятен, не известен.

Однако спрашивать раньше времени не полагалось, — у Папы Сени за преждевременное любопытство назначается один исход: смерть.

Так что придется пока накапливать знания и просчитывать все возможные ходы босса. Да и ходы всех окружающих его, каперанга Румянцева, людей.

Каким-то необъяснимым, *сто шестым* чувством самосохранения Румянцов ощутил, что в предстоящей операции не все пройдет так гладко, как представляется. Но главное, он пока не мог понять: что же следует предпринять для предотвращения возможных опасностей и «подстав»?

И, ощущая опасность, он был недалек от истины.

В связи с тем, что СССР после войны потерял свое влияние в Антарктиде, у Архимандритова неоднократно возникало стремление вернуть себе утраченные позиции. Но что конкретно там его привлекало? — этого пока каперанг не знал. Ведь не просто же земля, открытая русскими, не просто ее богатства, пусть даже и несметные... ведь не бо-

гаче же, чем земля Сибири... А что Архимандритов хочет именно влиять на то, что происходит в Антарктиде, – это как раз Румянцов и осознал. Или влиять на тех, кто «подгребают» континент под себя и сам диктует правила остальным... В какой-то момент пришло понимание, что секретарь ЦК Архимандритов втягивается в новую игру с титаном Бросманом, – своим давним знакомцем. С Дэвидом Бросманом, *триединым*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.